

Права собственности и внутренняя миграция

16 апреля 2012 года

Пол Кастанеда Дауэр (Paul Castañeda Dower) и Андрей Маркевич, ЦЭФИР

В настоящее время Россия сталкивается с важным политическим вызовом, связанным со сравнительно высоким уровнем регионального неравенства. Сохранение региональных диспропорций, особенно в уровнях безработицы, отражает неэффективность экономики и чревато политической нестабильностью. Чтобы исправить эти дисбалансы, следует привлечь к работе национальный капитал и рынок труда. Именно рынку труда посвящен этот обзор. В частности, в нем исследуется вопрос: почему внутренняя миграция в России находится на сравнительно низком уровне, и предлагается новое направление политики, нацеленное на повышение мобильности отечественной рабочей силы российских трудовых ресурсов.

По сравнению с Европой и США, в России межрегиональные различия в доходах и уровнях безработицы остаются высокими (Andrienko and Guriev, 2004). На [рис. 1](#) показаны изменения уровней безработицы по регионам России (с 1992 года по 2007 год) по сравнению с безработицей 1992 года. В наших оценках изменения уровня занятости мы опирались на данные 2007 года, поскольку глобальный финансовый кризис породил новый тип конвергенции – повсеместный рост безработицы. Отсутствие нисходящего тренда указывает на то, что никакого сближения между регионами не происходит.

Исправить региональные диспропорции в уровнях безработицы может внутренняя миграция, в результате которой безработные из районов с низким уровнем занятости перемещаются в районы с обилием вакантных рабочих мест. Например, исследователи в США (Blanchard and Katz, 1990) показали, что региональные экономики приспособляются к специфическим для данного региона шокам в основном за счет внутренней миграции. В России же эти различия сохраняются, в частности, из-за отсутствия внутренней миграции, которая, по сравнению с Европой и США, остается сравнительно низкой (Andrienko and Guriev, 2004). Неудивительно, что в недавнем докладе Всемирного банка (World Bank, 2010) указывается на необходимость добиваться – с учетом экономических затрат и выгод от миграции – большей региональной мобильности россиян. Чтобы объяснить, почему российский рынок труда делает возможным столь высокий уровень региональных различий, мы обсуждаем также вопрос о том, какова связь между правами собственности и внутренней мобильностью населения.

Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратились к прошлому Царской России, поскольку в её поздней истории есть факты, указывающие на наличие связи между правами собственности и внутренней мобильностью населения. Эти факты возымели политические последствия, актуальные по сей день. В течение большей части истории России мобильность её рабочей силы ограничивалась и контролировалась. На протяжении веков мобильность крестьянства сковывалось наличием Крепостного права. После освобождения, в условиях существования общинного владения землёй русской передельной общины, режим ограничений сохранялся. Советская система прописки, введенная в 1932 году, жестко регулировала внутреннюю миграцию до самого конца СССР. Остатки системы прописки сохраняются по сей день. Тем не менее, всесторонний контроль государства над внутренней мобильностью

существовал не всегда. В Российской Империи на закате её истории мобильность населения была относительно свободна от контроля со стороны государства, и внутренняя миграция работала на снятие региональных различий (*Markevich and Mikhailova, 2012*). Этот исторический материал дает хорошую возможность исследовать экономические причины трудовой миграции в России за период, свободный от правовых и политических ограничений.

На [рис. 2](#) показана впечатляющая картина тогдашних миграционных потоков из европейской части империи в азиатскую часть. Привлекательными для русских крестьян направлениями миграции стали малонаселенные районы Сибири и Северного Казахстана, где было много целинных земель. Мы полагаем, что важным фактором в понимании этого явления остается Столыпинская реформа, сроки которой отмечены на [рис.2](#) вертикальной линией. Если до этой реформы число мигрирующих семей составляло около 15000 в год, то после реформы оно резко выросло – до 40 000 в год. Мы считаем, что реформа способствовала усилению миграционных потоков в основном за счет повышения ликвидности крестьянских активов. Это обеспечило средства, крайне необходимые для финансирования процесса переселения.

Столыпинская реформа стала своеобразным «историческим экспериментом», по которому можно судить о значимости финансовых ограничений. Для целей нашего исследования мы ограничились анализом влияния реформы на ликвидность в 41 европейской губернии, где хотя бы 5% сельского населения проживало в передельной общине. Остальные 9 губерний европейской части, где крестьян – членов передельной общины – было мало (если таковые вообще имелись), представляют собой контрольную группу. Реформа дала домохозяевам право выходить из общины и переводить свою долю общинной земли в индивидуальные наделы (с признанием права частной собственности). Переход к частной собственности на землю улучшил ликвидность активов и сделал миграцию более привлекательной, поскольку она теперь не означала потерю надела. Домашним хозяйствам стало легче продавать свои земельные участки для финансирования расходов по переселению.

Используя базу панельных данных региональной миграции в азиатскую часть империи, мы применили метод «разность разностей», учитывающий все различия между исследуемой и контрольной группами. Наши результаты показывают, что из 441 000 семей, мигрировавших после реформы, на счет самой этой реформы можно отнести 160 000. Иначе говоря, снятием ограничений на ликвидность земельной собственности объясняется, по крайней мере, 18,1% случаев миграции из европейской части в азиатскую часть страны в пореформенный период. Чтобы понять, как велико было влияние реформы, мы проделали грубый подсчет, давший оценку роста ВВП на 0,12 п.п. в год, или около 5% от совокупного экономического роста за исследуемый период (*Chernina et al., 2012*).

Историческое свидетельство значимости ликвидности земельных наделов для целей внутренней миграции является актуальным и в современных политических условиях. Проведя качественные и количественные исследования внутренней миграции в России, *Andrienko and Guriev (2005)* пришли к выводу, что «основным препятствием на пути миграционных потоков является неразвитость финансовых рынков и рынка недвижимости». На [рис. 3](#) показана зависимость между ростом безработицы в регионе и долей приватизации жилой недвижимости (с использованием графика частичной регрессии). Чтобы вычлени влияние приватизации на уровень ликвидности, мы взяли за точку отсчета размер ВВП на душу населения в 2000 году и учли фиксированные эффекты по федеральным округам. Вместо 1992 года в качестве базового мы взяли 2000 год ([рис.1](#)), так как в середине-конце 90-х еще не все регионы приступили к приватизации. Корреляция невелика и лишь выявляет связь между правами частной собственности и мобильностью населения. Однако график

показывает, что регионы, где в 2000 году уровень приватизации был выше, впоследствии (2000-2007 гг.) демонстрировали большее снижение безработицы.

Тот факт, что наличие прав собственности влияет на финансирование миграции, и что этим правам присуща важная роль в формировании альтернативных издержек миграции, должен учитываться политиками при рассмотрении препятствий росту внутренней мобильности. Эти выводы вполне соответствуют новым публикациям по экономике миграционных процессов, критикующим и расширяющим предыдущий узкий взгляд на роль [региональных] различий в заработной плате. Кроме того, эти данные указывают на важность особенностей проведения приватизации в странах с переходной экономикой. Различные способы организации частной собственности обусловили разницу в операционных издержках, возникающих при покупке и продаже жилой недвижимости. Например, в ряде бывших советских республик приватизация квартир в личную собственность не всегда полностью определяла имущественные права, касающиеся самого жилого строения и его несущих конструкций. Эти неясности приводят к росту операционных издержек и снижению ликвидности активов. Поэтому при рассмотрении проблем внутренней мобильности политическим руководителям следует уделять большее внимание задаче повышения ликвидности активов, принадлежащих российским гражданам.

Литература

- Andrienko, Y., Guriev, S. (2004). “Determinants of Interregional Labor Mobility in Russia.” *Economics of Transition* 12 (1).
- Andrienko, Y., Guriev, S. (2005). “Understanding Migration in Russia.” *CEFIR Policy Paper Series* 23.
- Blanchard, O. and Katz, L. (1992) “Regional Evolutions”, *Brooking Papers on Economic Activity*, 1.
- Chernina E., Castañeda Dower P., and Markevich, A. (2012) “Property Rights, Land Liquidity and Internal Migration” *NES Working Paper*.
- Markevich, A. and Mikhailova, T. (2012). “Economic Geography of Russia” in *The Handbook of Russian Economy*. Oxford University Press, eds. Alexeev, M. and Weber, S.